

ДЕТЕКТИВ
ПО-ОТЕЧЕСКИ

Анна Данилова

ДРЕВНИЙ ИНСТИНКТ

ОНА ВЫПАДАЕТ ИЗ АДА И ПОПАДАЕТ В РАЙ.
НО МЕСТО ВАЖНЕЕ. ЕЕ ПРИДЕТСЯ
ВОЗВРАТИТЬСЯ ОБРАТНО...

Анна Данилова

Древний инстинкт

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183814
Древний инстинкт: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-17609-8*

Аннотация

Глядя на свое отражение, Лена рыдала, извиваясь перед зеркалом и топая босыми ногами. Какой-то злой гений превратил ее лицо в точную копию Гуинплена. Слава богу, нашелся чудо-доктор, способный вернуть девушке былую красоту. Но где взять тридцать тысяч долларов? У нее есть близкий друг, готовый бросить к ногам бедняжки любые деньги. А она... слишком любит его, чтобы потерять. Вдруг, увидев обезображенную маску вместо прекрасного образа, тот кинется прочь, и пылкое чувство не выдержит такого испытания? Нет, только не это! Уж лучше преступление...

Содержание

* * *	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анна Данилова Древний инстинкт

– Против скуки существует только одно лекарство.

– Какое?

– Гуинплен.

В. Гюго

Дорогой милый Липс!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне – любви –
то самое лучшее в жизни!

Живите, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

* * *

– Ну, подумай сама, какой прок от лечения, если ты останешься в Москве? Главное для тебя сейчас, когда ты более-менее поправилась, – это сменить обстановку, уехать подальше отсюда, забыться, наконец. Я бы мог, конечно, посоветовать тебе Крым, но тебе теперь противопоказана даже русская речь. А вдруг кто-то читал газеты и знает твою историю? Нет, милая, послушайся своего доктора, поезжай в теплое райское место, я был там, знаю, что говорю. Да, дороговато, но деньги все равно не твои. Что поделать, раз мир так циничен и мужчины откупаются от своих женщин. Так почему бы тебе не воспользоваться этим обстоятельством, махнуть на все и укатить во Францию?

Слезы снова покатились по щекам, но только теперь они не заливались за марлевые повязки, пропитанные мазью, они просто стекали плавно до подбородка, а оттуда – на грудь. Доктор Русаков сказал, что у нее красивая грудь. А до этого говорил, что любит ее. Он говорит так почти всем своим пациенткам, у него профессия такая – возвращать их к жизни.

– Скоро год будет, как я здесь, живу при клинике, как душевнобольная.

– Не бери в голову, набирайся сил. Смотри, какое солнце, пионы распускаются.

Они сидели в маленьком больничном саду и беседовали. В который уже раз Владимир Николаевич, манерный, холеный, с влажными красными губами, готовыми поцеловать вза-сос каждую свою пациентку, уговаривал ее отправиться на мыс Антиб. Прежде она только читала про это волшебное место, теперь же ей представлялась реальная возможность провести там два, а то и четыре месяца – весь сезон.

– Давайте ваш проспект, надоели уже, честное слово, со своей виллой...

– Не капризничай и не морищи лоб, на, читай...

– Вилла «Алиса»... Звучит ничего...

– Ты не на название смотри, а по существу... Вот она, красавица, беленькая, чудесная, как сама Алиса...

– «Двухуровневая вилла в прованском стиле на 8 человек. Находится в спокойном районе недалеко от моря. Жилая площадь 200 кв. м».

– Ты не представляешь, как там тихо и спокойно, вокруг – ни души...

– «Территория вокруг виллы – 700 кв. м. Небольшой газон. Остальная часть участка – это бассейн и террасы, выложенные плиткой. Со вкусом меблирована. Гостиная-столовая – 45 кв. м. Американская оборудованная кухня, 4 кондиционированные спальни, 2 ванные комнаты. Паркинг на 2–3 машины». Вы приедете ко мне в гости?

– Приеду, я же там рядом буду.

– Наверное, купили виллочку себе, не арендуете же за бешеные деньги?

– Почему бы и нет? Вот буду на старости лет косточки греть...

– Косточки. – Она усмехнулась. Гениальный пластический хирург, душка, что за человек, любит и мужчин, и женщин, полон жизненных сил, богат... А ведь он предлагал ей замужество. Смешно, честное слово. Как можно выйти замуж за своего врача, чтобы он одним своим видом напоминал ей о том кошмаре, что она пережила? Вроде бы психолог неплохой, а все туда же... В любовницы не звал, боялся обидеть. И напрасно. Она изменилась и теперь будет смотреть на вещи просто. Совсем просто. Да, она другая, совсем другая...

– «Ближайшие города – Канн, Антиб, Жуан-ле-Пен...» Звучит заманчиво, как песня, – продолжала она куражиться, хотя решение приняла, не могла не принять. Тем более Русаков будет рядом, если что – прибежит к нему поплакаться в жилетку. – «Стоимость аренды на 4 месяца (с мая по август) – 54 000 евро». Круто...

– Тебе ли беспокоиться о деньгах?

- Действительно, – она усмехнулась.
- Здоровье, милочка, самое важное в жизни, не так ли?
- «Ближайший пляж – 300 м, международный аэропорт – Ницца».
- Вот только не плачь, я запрещаю тебе!

Глава 1

9 июня

Такая боль казалась нереальной, настолько она была сильной, пульсирующей, обволакивающей и в то же время острой, жгущей, раздражающей, отдающейся во всем теле и необратимой... Боль охватила все лицо, особенно нижнюю его часть, и держала в своих горячих и крепких ладонях, как если бы кто-то пытался отделить ее голову от тела. Рот просто горел, его кто-то поджег адским огнем, и кровь, словно горящая соленая смола, капала на грудь, как во сне, в недавнем сне, но сейчас это был не сон. Она сидела на постели и смотрела на свои руки, вымазанные кровью. Только что она прикоснулась пальцами к губам, и вот теперь они были в крови. Кровь была горячей и жгучей, будто наперченной.

Она уже пробовала закрыть глаза и снова провалиться в сон, где нет этой зверской боли, этого огня, сжигающего ее рот, щеки и подбирающегося к ушам...

Подойти к зеркалу было страшно.

А еще бешено колотилось сердце. Как никогда. Лена никогда не жаловалась на сердце, она была слишком молода для этого, всего-то двадцать два года. Она опустила босые ноги на пол, толстый ворс ковра показался ей колючим и прикосновение – болезненным. Да что с ней такое? К тому же комната перед глазами расплывалась, окна перекосило, люстра над головой казалась плавающей в прозрачном желе... А в голове звенел какой-то назойливый и неприятный мотивчик, она никак не могла вспомнить, где она прежде его слышала...

Встала, подошла к зеркалу и, увидев свое отражение, закричала так, что сразу же сорвала голос. Она хрипела, извиваясь перед зеркалом, топала босыми ногами, слезы текли по ее обезображенному диким оскалом лицу, заливались, жгучие и соленые, в огромный рот, пузырились возле распухших и вспоротых губ... Мясник, имя которого она не знала, искромсал ее лицо, распоров рот до ушей, обнажив десны и порозовевшие от крови зубы... Кровь продолжала сочиться, от боли ей становилось дурно. Понимая, что очнулась она случайно, что она могла бы вот так, «с улыбкой до ушей», и умереть, истекая кровью, она позволила Ирине, но услышала лишь искаженный автоответчиком голос близкой подруги, который сообщил ей бесстрастным тоном, что ее нет и будет она не скоро... А уже через час Лена лежала в темной душной палате одной из московских клиник и после уколов отдыхала от боли. Ей казалось, что боль, эдакая дама, высокая и худая, на тонких каблуках, закутанная в темно-синий газ, выходит из палаты, и лишь ее голубая тень маячит возле двери в коридоре... Она слышала, как шептались где-то там, за стеной, те, кто вынужден был эту ночь дежурить и, значит, отвечать за привезенных в больницу нечаянных пациентов. С вскрытыми венами, вскрытыми душами, распахнутыми сердцами и распоротыми ртами...

«Вы не помните, что с вами было?» Она даже не помнила лица женщины, спросившей ее об этом. Как она могла ответить ей, если рот у нее теперь был слишком большой, она еще не умела, да и не собиралась им пользоваться. «Мы сделаем вам еще пару уколов, но вам сейчас надо не это, вам срочно нужна операция, вы понимаете меня? Вы слышите меня, Лена?» Значит, она уже успела назвать им свое имя. «Мы можем вам лишь наложить швы, но это будет, предупреждаю сразу, грубая работа. У вас есть родные, муж, родители, кому бы вы могли позвонить, чтобы они приехали к вам? Если вы не соберете денег, а это около тридцати тысяч долларов, ваше лицо будет обезображено, а вы еще молоды... Назовите телефон вашего мужа...» Где его взять-то, ее мужа, если его и в природе пока не существует? Губы между тем стали неметь – начало действовать какое-то лекарство. А глаза сами собой закрывались... Кому позвонить? У нее был один-единственный близкий человек, которого она любила, и именно по этой причине она не могла показаться ему в

таком виде. Слишком мало они были знакомы, чтобы она посмела обрушить на него свои проблемы... Нет, она улыбнулась своим мыслям, это все происходит во сне, такое в реальной жизни произойти не может уже хотя бы потому, что она очнулась и пришла в сознание у себя дома, а не в камере пыток или на каком-нибудь пустыре. Значит, картинки с натуры, где был мясник с острым ножом, в ее сознании не существовало. Между тем заговорили о том, что с минуты на минуту должен прийти представитель правоохранительных органов. Интересно, как он будет разговаривать с девушкой, у которой рассечен рот?

Она плакала, когда ей становилось жалко себя. Вот как сейчас. Ведь она так и не проснулась. Реальность не пощадила ее, выдав себя за сновидение. Ее, Лену, изрезали. Наяву. Изуродовали ее нежное красивое лицо. Ее гордость. Ее единственное сокровище. Хотя нет, было и еще нечто важное, дорогое, можно даже сказать, драгоценное в ее жизни – это ее теплое и хрупкое чувство к мужчине, который не так давно сказал ей, что испытывает к ней ни с чем не сравнимое чувство... Или это тоже приснилось ей? Она буквально захлебывалась слезами. Боль... Разве в боли дело? Боль можно усмирить морфием или каким-нибудь другим чудодейственным препаратом, а вот как поправить лицо?

«Природа не пожалела своих даров для Гуинплена. Она наделила его ртом, открывающимся до ушей, ушами, загнутыми до самых глаз, бесформенным носом, созданным для того, чтобы на нем подпрыгивали очки фигляра, и лицом, на которое нельзя было взглянуть без смеха».

Она старалась пока еще не думать о том, кто вынес ей этот чудовищный приговор. Об этом она подумает потом, когда ее рот примет прежнюю форму. Но для этого нужно раздобыть тридцать тысяч долларов. Если бы она умела улыбаться своими новыми губами, то непременно улыбнулась бы. Но не сейчас... Она потом и улыбнется, и будет хохотать – до потери сознания... А пока ей нужно собраться с мыслями. Итак. Она очнулась в своей квартире. На кровати. Постель перемазана кровью. Это и неудивительно, если ее так искромсали. Кто-то поработал над ее лицом, превратив его в точную копию Гуинплена. *«Судя по всему, над этим лицом поработали искусные фабриканты уродов. Очевидно, какая-то таинственная и, по всей вероятности, тайная наука, относившаяся к хирургии так, как алхимия относится к химии, исказила, несомненно еще в очень раннем возрасте, его природные черты и умышленно создала это лицо. Это было проделано по всем правилам науки, специализировавшейся на надрезах, заживлении тканей и наложении швов: был увеличен рот, рассечены губы, обнажены десны, вытянуты уши, переломаны хрящи, сдвинуты с места брови и щеки, расширен скуловой мускул; после этого швы и рубцы были заглажены и на обнаженные мышцы натянута кожа с таким расчетом, чтобы навеки сохранить на этом лице зияющую гримасу смеха; так возникла в руках искусного ваятеля эта маска – Гуинплен».*

Потом, об этом потом, мы же договорились... Она разговаривала сама с собой. Сейчас нужно найти деньги. И она знает, где и как их найти.

«Похоже, у нее никого нет». Это она услышала отчетливо. Да бог с ними, пусть говорят. Ей-то что? Тем более что это истинная правда. Хотя стоп! Как она могла забыть про девушку с биноклем?

* * *

Русаков действовал на нее расслабляюще. Слушая своего доктора, она считала его мнение единственно верным и, лишь оторвавшись от него, вернувшись в палату, понимала, что все, что он говорит, не всегда правда, что существуют и другие мнения и что это он богат и может позволить себе купить виллу на мысе Антиб. К тому же покупка недвижимости в курортном и престижном месте куда выгоднее, чем снимать ту же самую

виллу за такие бешеные деньги. Но дело сделано – она сидела на своем месте возле иллюминатора и ждала, когда же самолет двинется с места, когда взревет моторами и, собрав все свои силы, взлетит, оставив внизу Москву и все кошмары, которые ей пришлось там пережить...

Самолет взлетел, прошел час, и она достала с верхней полки плоский чемоданчик – ноутбук, раскрыла его и просмотрела почту. Как ни странно, свидетели ее трагедии, ее подруги по несчастью, вместо того, чтобы одним лишь напоминанием о себе испортить ей настроение, всегда поднимали его. Вот и сейчас пришло письмо: «Привет, дорогая! Думаю, ты уже в полете. Ну и правильно, нечего киснуть в клинике. Русаков, конечно, душка, с ним так приятно и мило беседовать, но все равно он в Москве, а Москва тебе сейчас противопоказана. Я понимаю, столько всего уже сказано, столько высказано мнений, но меня до сих пор не покидает чувство, словно нас всех разыграли... Страшно разыграли. И женщину эту, которая, как оказалось, вообще ни при чем, испугали до полусмерти. Между прочим, мы с ней изредка перезваниваемся, она на самом деле очень славная и добрая. Я не собираюсь просить у нее прощения, но где-то внутри себя, в самой глубине, на самом дне своей ожившей души (извини за высокий слог, я раньше никогда не писала писем) я чувствую свою вину, ведь она-то оказалась крайней. Вот бы узнать имя той стервы, что позвонила следователю и сообщила об этих книгах... Думаю, ее-то и надо искать.

Послушай, не хочу портить тебе настроение, но и не рассказать не могу – я видела их... Видела, и мне показалось, что он несчастлив. Думаю, он по-прежнему любит только тебя. Жаль, что ты у нас такая мягкая и не могла в свое время встретиться с ней – лицом к лицу – и все выяснить. Неужели она обманывала тебя с самого начала? Знаешь, я набралась храбрости и встретила с этим режиссером...»

Глава 2

2 июня

Она пришла однажды вечером. Шел дождь, девушка, стоящая на пороге, вся вымокла и была похожа на нахохлившегося воробья. И вместе с тем в ее глазах читались такая боль, такое отчаяние, что вот так просто захлопнуть перед ее лицом дверь или тем более нагрубить ей было невозможно. Надо быть зверем, чтобы причинить ей еще боль, или недочеловеком, чтобы не понять, что с ней случилась беда. Она была прилично одета, а потому не походила на тех попрошаек, что слоняются время от времени по подъездам в надежде разжалобить жильцов и раскрутить их на червонец-другой. Все в ней говорило, что сделана она из тонкого и потому рвущегося от малейшего прикосновения материала. Именно таким людям и достается шишек в этой жизни больше всего... Так, во всяком случае, подумала Лена, когда впервые увидела на пороге своей квартиры Ольгу.

– Что-нибудь случилось? – спросила Лена, соображая, не опасно ли впускать в дом незнакомку. – Вам позвонить или вызвать «Скорую»?

– Нет, мне не нужно куда звонить, да и «Скорая» мне не нужна. У меня к вам просьба. Понимаю, что вам она покажется очень странной, но я сейчас нахожусь в таком состоянии, что вряд ли смогу адекватно воспринимать все, что происходит со мной, да и вокруг... Я звонила вашим соседям, но мне не открыли, да и расположение окон у них не совсем такое, как мне хотелось бы... Вы не подумайте, я не сумасшедшая, да и деньги у меня есть, чтобы осуществить задуманное. Осталось только получить ваше согласие, и все...

У нее зуб на зуб не попадал, мокрый розовый подбородок трясся. Огромные зеленые глаза смотрели куда-то в пространство, мимо Лены.

– Входите, – пригласила ее Лена и взяла за руку, которая оказалась ледяной. – Ну же!

Она вошла, буквально содрагаясь всем телом, Лена едва сдержалась, чтобы не опустить ей на дергающиеся плечи руки, чтобы как-то успокоить их.

– Да что, наконец, случилось?

– Ничего. Обычное дело. Его окна расположены как раз напротив ваших. Он бросил меня, а я вот никак не могу его забыть... Я просто с ума схожу... – И она разрыдалась, бросившись Лене на грудь, как если бы та была ее близкой подругой. Она так отчаянно рыдала, так всхлипывала, что Лена не выдержала и прижала ее к своей груди. Все понятно – девушка была влюблена в режиссера, Матвея Собакина, жившего в доме напротив. Невысокий, грубо скроенный, с манерами кондового плебея и взглядом волкодава, Собакин тем не менее олицетворял собой самого что ни на есть настоящего мужчину, и женщины просто висли на нем, не обращая внимание на то, что Матвей был женат и что его хронически беременная анемичная жена практически всегда находится где-то рядом...

– Вы хотите увидеть его? – догадалась Лена.

– Я хочу снять у вас комнату. Хотя бы на время. За любые деньги. Могу даже убирать квартиру, но только разрешите мне пожить здесь, понаблюдать за его окнами. Понимаете, я могла бы придумать какую-нибудь более серьезную причину, заставившую меня снять у вас комнату, но не вижу в этом смысла. Разве что вы тоже в него влюблены... Тогда я буду выглядеть полной идиоткой...

– Нет, я не влюблена в Собакина, – Лена решила все-таки озвучить святую для девушки фамилию. – Что касается комнаты, то мне надо подумать, а пока проходите и согрейтесь. Вы же можете заболеть. Как вас зовут?

– Ольга. – Она кивнула головой, соглашаясь с Леной. – Да, конечно, вам обязательно надо подумать, а вот что делать мне? Дома я снова буду искать пятый угол. Хотя, нет, домой

я, конечно, все равно не пойду, вот так и буду стоять возле дома и смотреть на его окна. Если вы когда-нибудь любили, то поймете меня и мне не придется объяснять вам все то, что я испытываю сейчас. Не могу сказать, что я мазохистка, я довольно эгоистичный человек и не люблю боль в любом ее виде, даже если причиняю ее себе сама, неосознанно, но в какой-то мере все равно иду на эти мучения – вы не поверите, но мне нравится даже мокнуть под дождем, глядя на его дом, на крыльцо подъезда в ожидании, когда же наконец появится он сам.

– Ольга, я не могу вам ничего обещать, поскольку мне необходимо подумать прежде, чем я дам вам ответ, но пока что вы можете побыть у меня. Даже переночевать. А если вы продолжите свое бдение у него под окнами, то подхватите воспаление легких. Вам придется лечь в больницу, и уж тогда вы точно долго его не увидите. Подумайте о себе, побудьте эгоисткой и сейчас, в самое трудное для вас время...

Она произносила обычные слова, дежурные фразы и ловила себя на том, что в какой-то мере презирает эту девушку. Но вот почему – объяснить не могла бы даже себе. А ведь она тоже любила. Любила Дмитрия Бессонова и готова была простоять под дождем сколько угодно, только бы увидеть его. Но «готова простоять» и простоять на самом деле – две большие разницы. Она никогда не страдала подобным мазохизмом и считала, что женщины, способные унижаться, стелясь под ноги мужчин пусть даже мысленно, недостойны уважения. Это слабые женщины. Дойти до такого, чтобы стучаться в чужую жизнь с просьбой пожить в ней, лишь бы иметь возможность изредка видеть свою пассию, – это уже слишком... Но не зря же говорят, что любовь – болезнь. Она еще выздоровеет, эта девчонка, этот мокрый воробей, эта ненормальная с расширенными зрачками и невидящим взглядом. Время все лечит.

Лена заставила ее погреться в горячей ванне, дала ей сухую одежду, фен, теплые носки и усадила на кухне пить чай. Втолковывала ей, что Собакин женат, что, несмотря на свои похождения, все равно любит жену и что шансов вырвать его из крепкой, как ни странно, семьи нет. Говорила и понимала, что это всего лишь слова, звуки и что Оля, слушая ее, думает о мужчине, который соблазнил и бросил ее... Подцепил ее, скорее всего, где-нибудь на презентации или просто на улице, пригласил прокатиться на своем роскошном «мерсе», а потом, как водится, покоров ее своей непосредственностью и привлекательной грубостью, заставил поверить в то, что он ее любит и что жизнь его без нее уже невозможна... Сколько девчонок уже попало в неловко и оттого надежно расставленные сети его мужского обаяния! Сколько же сладких, ласковых слов успел нашептать он этой девочке, чтобы у нее так снесло крышу? И сколько понадобилось дней, чтобы она сошла с ума, когда поняла, что ее бросили? Три дня? Неделю? Ай да Собакин, ай да сукин сын!

– Он не любит свою жену, он сам говорил мне о том, что она вечно беременна, что постоянно болеет и что он вообще никогда ее не любил!

– А ты бы хотела, чтобы он сказал тебе, что любит ее без памяти, что счастлив с ней, что она рождает ему детей и что его жизнь без этой женщины потеряла бы всякий смысл? Нет, Олечка, мужья, поливающие своих жен грязью или просто отзывающиеся о них дурно, – сами дурные, непорядочные мужчины. И ты, когда крыша твоя вернется на место, когда станешь объективно воспринимать окружающее, сама посмеешься над своим легковерием. Мужчина, женатый и любящий свою семью, просто не сможет сказать о жене плохо, особенно о ее болезни. Если же он так легко говорит о ее беременностях, то подумай сама, каков он изнутри...

Она говорила это Оле, понимая, что все впустую. Вот она сидит перед ней, обнимая ладонями горячую чашку, но мыслями – со своим возлюбленным, тело ее все еще млеет в горячих объятиях Собакина. Бедная девочка!

Прошло совсем мало времени, ровно столько, чтобы согреть Олю, накормить и напоить, а мысли, нехорошие, опасливые и даже в некотором роде трусливые, полезли в голову.

Оля слишком возбуждена, нервна, чтобы ее надолго можно было оставлять одну. А что, если она вздумает вскрыть себе вены или повеситься, что тогда будет с ней, с Леной? Да и про Дмитрия она как-то не подумала. Где они станут с ним встречаться? У него, это понятное дело, но вдруг он захочет зайти к ней, что тогда? Как она объяснит ему, что у нее в квартире живет посторонний человек, девушка, по уши влюбленная в Собакина и целыми днями следящая с помощью бинокля за его окнами? Может, посоветоваться с ним, послушать, что скажет он? Хотя он же мужчина, он все равно не поймет. Больше того, если догадается, что Лена согласилась приютить девчонку из чувства женской солидарности, из желания помочь ей, потому как сама женщина и понимает Олю, то тем более выйдет нехорошо. Он не должен ничего знать о том, как слабы бывают женщины и как легко ими манипулировать. Инстинкт самосохранения и желание как можно дольше держать своего мужчину в неведении относительно женской слабости привели Лену к мысли, что совершенно не обязательно говорить ему правду. Олю можно представить ему как дальнюю родственницу, приехавшую к ней из деревни, чтобы попытаться найти здесь работу и снять недорогую квартиру. Это будет выглядеть безобидно, нормально и даже гуманно. Вот только надо будет предупредить об этом Олю.

– Хорошо, я разрешу тебе пожить у меня самое большее неделю. Но при условии, что ты не собираешься глотать таблетки или вешаться, ты поняла меня? Понятное дело, что пасти тебя я не смогу, я же работаю. Ты, в свою очередь, должна будешь постоянно спрашивать себя, а правильно ли ты делаешь, находясь у меня и потихоньку сходя с ума по человеку, который тебя недостойн, поняла?

– Так вы разрешите мне пожить у вас? – Глаза Оли, и без того красные от слез, снова наполнились влагой. Она, казалось, могла плакать беспрестанно, настолько сильно были расшатаны ее нервы. – Назовите любую сумму...

– Миллионерша нашлась, – усмехнулась Лена. – Пару раз за неделю пропылесосишь – вот и вся плата. Я разрешаю тебе пожить у меня исключительно из жалости к тебе и понимания. Хотя, согласись, я и сама демонстрирую тебе полное отсутствие главных житейских принципов – впускаю в дом постороннего человека.

– Я могу показать паспорт.

– А вот это будет нелишним. Покажи.

Оля с готовностью достала из сумочки паспорт и протянула его Лене.

– «Ольга Николаевна Нечаева, 1985 года рождения», а вот и адрес... Да уж, далековато от Собакина ты живешь...

Про себя Лена подумала, что правильно сделала, взглянув на паспорт своей необычной жилички. Но вечером, когда Оля уже закрылась в отведенной ей маленькой комнатке, служившей Лене гардеробной, где, правда, стояла узкая кушетка, на которой время от времени спали оставшиеся на ночь гости, Лена собрала в одну коробку все свои золотые украшения и деньги и спрятала в тайник, расположенный за спинкой кровати, в стене. Дмитрий уехал в командировку, а потому звонить ему только для того, чтобы рассказать, что у нее остановилась родственница, было нелепо. Хотя услышать его голос хотелось. Лена посмотрела телевизор и легла спать. Сначала она думала о том, чем занимается сейчас Оля. Как она и предполагала, ее квартирантка прихватила с собой маленький театральный бинокль, а потому половину ночи сумасшедшая девочка наверняка проведет у окна. Это, в сущности, ее дело.

Лена уже закрыла глаза и стала погружаться в спокойный, затягивающий сон, как вдруг раздался телефонный звонок. Это мог быть только он, Дмитрий.

– Слушаю... Ты? Я уж думала, что не позвонишь... – Она тотчас вынырнула из полусна и теперь сидела на постели, прижав к уху телефонную трубку изо всех сил, боясь пропустить хоть слово. – Как дела? Когда приедешь? Дома?.. Ты уже дома? Приедешь за мной? Дима... Вот это подарок... Конечно, через пять минут буду готова...

Она дрожала, когда встала. Ее колотила приятная, нервная дрожь. Он только что прилетел и теперь, должно быть, мчится на машине по ночному городу сюда, за ней... А что, если он захочет остаться у нее? Может, он голоден? Ну и что! Поужинает здесь, а потом они поедут к нему. У нее же родственница остановилась, ничего особенного, он же умный, все поймет и простит. Хотя тут и прощать нечего. А Олю она предупредит, чтобы та пока не выходила из своей комнаты, чтобы они с Дмитрием не встретились... Ни к чему это. Чего она боялась? А вдруг он заметит неестественный блеск в глазах ее родственницы? Вдруг Оля выдаст себя, сказав что-то такое, что насторожит Дмитрия? Нет уж, пусть сидит в своей комнатке, как мышка, и смотрит в окно. Кажется, ради этого она здесь...

* * *

Она захлопнула ноутбук. Нелегко признаваться себе в том, что ты постоянно ошибаешься в людях, что ты – близорукая, глупая, доверчивая и живущая по каким-то своим, дурацким законам особа. Что тебя обмануть так же легко, как только что народившегося щенка, который во всем видит лишь интересное, смешное, радостное. Но ты такая, какая есть, и что теперь делать? Одно радует: то, что произошло с тобой, – просто недоразумение, тебя с кем-то спутали. Видимо, так должно было случиться, чтобы это несчастье помогло тебе понять, с каким человеком ты собиралась связать свою жизнь. Так спланировали на небесах, чтобы ты по дурости своей, по деликатности не посмела обратиться за помощью к мужчине, которого ты идеализировала до болезненности, до ненормальности, оставив его надолго одного. А как еще можно было расстаться? Просто уехать? Нет, нужна была, очевидно, какая-то существенная причина, заставившая вас расстаться. Ты плакала, закусив и без того истерзанные губы и давясь слезами в клинике доктора Русакова, в то время, как он, твой возлюбленный, переживал за тебя сначала в одиночестве, а потом и в обществе твоей лучшей (во всяком случае, ставшей такой) подруги. И подруга не растерялась. Или Бессонов проявил инициативу и общее несчастье сблизило их? Как ловко жизнь сыграла с вами троими шутку! Когда порезали тебя, ты не посмела обратиться к Дмитрию, не могла показаться перед ним в таком виде, с разорванным ртом. Когда же (и ты узнала об этом последняя и, главное, поздно!) твоей лучшей подруге... Нет, сейчас нельзя вспоминать это. А тем более признаваться в своих ошибках. Что было, как говорится, того не вернешь. И это электронное письмо, эта попытка еще одной подруги, только теперь уже подруги по несчастью, как-то облегчить твои страдания и рассказать о том, что она видела твоего любимого мужчину с твоей лучшей подругой, но что он выглядел несчастным, – это ли не садизм в чистом виде? Зачем вообще вспоминать его? Он сделал свой выбор. Он – дизайнер, он рисует, а затем воплощает в жизнь. Но здесь и рисовать-то не пришлось. Достаточно было взять за руку и отвести от окна женщину, чей рассудок находился на грани помешательства. От окна до кровати – несколько шагов. Что он сказал ей перед тем, как взять за руку? Или, быть может, это она попросила его о помощи?

Принесли обед. Игрушечный, смешной, в пластиковых коробочках, с квадратиком замерзшего сливочного масла, с картошкой и мясом на горячее, каким-то рыбным салатом, заправленным густым оранжевым майонезом. Еще круглая булочка, которую требовалось разрезать белым пластиковым, с зазубренным краем, ножичком (ну чем не детская игра?), намазать обе половинки маслом, положить на одну нежный, розовый кусочек ветчины, а на другую – клубничный душистый джем. Потом яблоко или апельсин. Да все равно, но яблоко проще, его не надо чистить, как апельсин, после которого пальцы в жирном оранжевом масле и тебе придется отпирать в тесный туалет, чтобы вымыть их...

Обед в самолете – это убийство времени в полете. Приятное, надо сказать, убийство. Если, конечно, у тебя нет с собой хорошего детектива или иллюстрированного журнала вроде «Каравана историй». Одна захватывающая история сменяет другую, третью... Хочется жить яркой, полной жизнью без оглядки, чтобы голова кружилась от событий, впечатлений и страстей... Вот такой журнал.

Рядом сидит господин Х. Тоже ест, очень аккуратно, стараясь не производить звуков. Словно он не человек с присущими ему физическими качествами, а плод ее воображения – слишком уж импозантен, хорош собой, спокоен и уверен в себе. Ему под сорок. У него на коленях тоже не так давно был ноутбук. И конечно же, проверяя свою почту, он меньше всего ожидает увидеть там письмо от своего друга, который посылает ему массу горячих поцелуев и советов, как лучше провести время в Ницце, ведь они летят в Ниццу. Такие мужчины, как он, никогда не станут снимать за бешеные деньги виллу на мысе Антиб, у них они есть. Возможно даже, это она, наивная русская дурочка, ведомая авантюристом в самом хорошем смысле этого слова, доктором Русаковым, и снимет виллу, принадлежащую именно этому господину. Такие мужчины, как он, не знают, что такое зализывать душевные и физические раны, отправляясь подальше от своей страны, потому что этих ран у них просто не бывает, а если и бывают, то они очень быстро забывают о них. Стараются не думать. Они это умеют. Или же она ничего не знает о таких господах, как этот...

Пококетничать, что ли, с ним? А вдруг он заметит толстый слой пудры на ее лице? Швы стали незаметными, но они остались у нее в памяти, и она пока еще не может избавиться от ощущения, что ее лицо рдеет яркими, делающими ее рот распаханным до ушей, линиями. Русаков сказал, что ей надо будет прекратить пользоваться крем-пудрой и жить со своим обновленным лицом спокойно, подставляя его солнцу, морскому ветру, да и купаться в море можно с утра до вечера...

Как-то встретит ее вилла «Алиса»?

Глава 3

9 июня

Боль оставила ее, но надолго ли? В голове звенело, и этот странный звон, с эхом, с гулом, отдавался покалыванием во всем теле. Девушка с биноклем. Да, все так и было. Дмитрий позвонил, потом приехал, Лена накормила его, объяснила, что в квартире остановилась дальняя родственница, потом они поехали к нему, и он привез ее обратно домой уже под утро. Он сказал, что слишком эгоистичен, раз позволил себе разбудить ее, привезти к себе, и это вместо того, чтобы дождаться следующего дня, но он так соскучился, так хотел ее видеть, что не сдержался... А она слушала и чувствовала себя счастливейшей из женщин. Этого бурного ночного свидания ей хватило бы на целую неделю, так ей было хорошо. Она уже начинала верить, что Дмитрий действительно любит ее. Хотя поверить в то, что такой мужчина, как он, может влюбиться в ничем не примечательную девушку, как она, было трудно.

Офис фирмы, которой руководил Дмитрий Бессонов, располагался в том же старинном особняке на Пушкинской, что и фирма, где работала Лена. Добираясь утром на работу на метро, Лена каждый раз любовалась роскошным черным автомобилем, на котором приезжал на Пушкинскую господин Бессонов. От девчонок-сотрудниц Лена знала, что Бессонов не женат, но что у него есть любовница, такая же роскошная, как и автомобиль, вдова какого-то крупного бизнесмена, с которой он проводит все свободное время и отпуск. Никто, правда, ее не видел, но поговаривали, что она старше его почти на десять лет, что они стараются не афишировать свои отношения и что она хоть и красивая женщина, но все равно переживает по поводу своего возраста. Откуда бралась такая информация, один бог знал. Фирма Бессонова занималась дизайнерскими разработками и тесно сотрудничала со многими крупными строительными компаниями. Говорили, что Дмитрий Бессонов руководил отделкой загородного дома известной в Москве актерской пары, не говоря уже о том, что именно его фирма была приглашена для оформления крупнейшего в столице кинотеатра с несколькими залами и застекленной площадкой с зимним садом для проведения презентаций.

Лена работала менеджером в фирме, занимающейся продажей в Москве испанской мебели. Но мало кто знал, что фирма торгует не столько настоящей испанской мебелью, сколько качественными подделками, производящимися в Подмосковье. Не так давно хозяин фирмы выкупил производственные цеха и теперь торговал открыто и большими партиями, отправляя псевдоиспанскую мебель по России вагонами.

...Мысли Лены плавно переместились от своего внезапного, как летняя гроза, романа с Бессоновым к торговле мебелью не случайно. В сейфе фирмы всегда имелось много наличности, как раз того, чего ей сейчас так не хватало. И тридцать тысяч долларов – не такие уж и большие деньги, в сейфе бывало и побольше. А главное, у Лены были ключи от центрального входа офиса, не говоря уже о том, что она отлично знала код сейфа. Сколько раз в свое отсутствие хозяин поручал ей принять деньги от клиентов, он доверял ей, как себе, потому что в самом начале их совместной деятельности Константинов, такова была фамилия шефа, красиво ухаживал за ней и даже предлагал стать его любовницей. И хотя Лена тогда отказала ему, своего отношения к ней он, к счастью, не переменил и при каждом удобном случае демонстрировал свое желание ей покровительствовать. Он и зарплату ей постоянно повышал, и время от времени подвозил на своей машине, и это при том, что у него уже давно ходила в любовницах молоденькая секретарша Алла, страшно ревновавшая его к Лене, а потому откровенно ненавидевшая ее.

Константинов, Алла, сейф, деньги, операция, Бессонов. Хотя при чем здесь Алла? Просто: Константинов, сейф, деньги, операция. А еще лучше: сейф, деньги, операция, Бессонов.

Она ни за что в жизни не покажется Дмитрию в том виде, в каком есть. Она – уродка. С чьей-то жестокой руки. Кто направил эту руку? За что-о-о?! Об этом после...

Летняя гроза? Да, так оно и было на самом деле. Разразилась гроза, с неба обрушился дождь, невозможно было выйти на улицу, и все столпились на крыльце в ожидании, когда же прекратится этот невероятный ливень. Бессонов тоже вышел на крыльцо, и все женщины, кто был, повернулись к нему. Лена не была исключением. Он был, как всегда, в темном костюме, только теперь при зонте. Хотя зачем ему зонт? Чтобы добежать до машины? Но какой был дождь! До машины добежишь и вымокнешь до нитки. Бессонов стоял с другой стороны крыльца, но Лена чувствовала на своей щеке его взгляд. Нет, этого не могло быть, зачем ему смотреть на нее, когда между ними стоят еще три девушки, причем довольно-таки смазливые, аккуратно накрашенные и нарядно одетые. И все, даже замужние, просто теряются при виде этого элегантно одетого человека. «Лена?» – вдруг услышала она и от ужаса и страха закрыла глаза. Сколько на крыльце стояло Лен? Лишь она одна. Разве что она не заметила, как он взял в руку телефон и теперь звонил какой-то Лене? Она открыла глаза и медленно повернула голову в его сторону. Нет, никаких сомнений быть не могло – он обращался именно к ней! «Вы... меня?» Она до последней секунды не верила, что он может обращаться к ней. Причем так запросто. Легко. Словно он уже раньше беседовал с ней и оказывал знаки внимания. «Пойдемте, я вас подвезу!» Лицо его сияло, когда он говорил ей эти слова. Он вел себя так, будто, кроме них двоих, на крыльце никого и не было. Она не знала, то ли протолкнуться к нему между замершими в тихой истерике девчонками, потрясенными тем, что происходило на их глазах, то ли дожидаться, когда он сам подаст знак, что ей делать. Так и произошло. Он показал ей рукой на свою машину и качнул головой, мол, бежим туда, и она побежала. Они одновременно подбежали к машине, и он успел даже распахнуть перед ней переднюю дверцу, приглашая сесть. И она села. Чуть ли не под аплодисменты своих сотрудниц.

– У вас было такое удивленное лицо, когда я пригласил вас подвезти... – покачал головой Бессонов, выруливая со двора. – Вас что, Лена, никто и никогда не подвозил?

– Почему же, шеф иногда подвозит, но к этому давно привыкли... – Она вдруг поняла, что сказала глупость. Повела себя так, словно и мысли не допускала, что Бессонову это может быть неизвестно или тем более неприятно слышать.

– Я имею в виду не коллег по работе, – примирительным тоном произнес Бессонов. – Хотя, какая разница, о чем это я... Знаете, давно хотел вас подвезти, да все как-то не решался, ничего же о вас не знаю, а вдруг вы замужем?

– Да нет, не замужем, – пожала она плечами.

– Вот и хорошо. – Он, как ей показалось, даже вздохнул с облегчением. – Хотя такая красивая девушка и совсем одна...

Она могла бы сказать ему, что у нее был парень, с которым она ходила в кино и время от времени оставалась у него ночевать, но голова ее кружилась не до такой степени, чтобы забыть, что перед ней сам Бессонов!

– Меня зовут Дмитрий. – Он повернулся к ней и улыбнулся. Он явно был рад тому, что происходило. – Я понятия не имею, где вы живете, и, честно говоря, меньше всего хотелось бы отвезить вас сейчас домой. Может, поужинаем вместе?

Все разворачивалось по классическому сценарию любовного романа. Сначала вместе поужинаем, затем вместе позавтракаем, а что потом будем делать вместе? Воспитывать детей? Она улыбнулась своей очередной глупости.

– Я не против.

Вот так все и началось. Они поужинали в ресторане, затем поехали к нему на дачу, где провели вместе ночь... Сюжет, пусть и затертый до блеска, все равно доставил ей массу

удовольствия. Дмитрий оказался очень милым и простым в общении мужчиной, не пытался выставить себя перед ней всемогущим состоятельным господином, а, наоборот, был скромным, без затей и очень добрым. Даже если, думала она тогда, соглашаясь поехать к нему на дачу, все закончится так же, как заканчиваются миллионы подобных свиданий, то есть никак, все равно она была с самим Бессоновым, и меньше всего ее беспокоила мысль о том, как у них с ним сложатся отношения дальше. Однако следующий день начался так, что она даже растерялась, – у нее на рабочем столе стояла ваза с цветами, и Алла, секретарша Константинова, с загадочным видом сказала, что этот букет принес в офис рассыльный и сообщил на словах, что эти цветы предназначаются Елене Прекрасной, что сидит возле окна, и попросил поставить их в воду. «У нас только одна Елена, стало быть, это тебе», – сказала она, в душе, вероятно, радуясь, что ее соперница обзавелась наконец-то воздыхателем. Она одна среди сотрудников еще не знала о том, что воздыхатель – Бессонов. Об этом Алла узнает позже.

Боже, как же все болит... Боль опять вернулась к ней и принялась изводить ее. Словно отлежалась где-то, набралась сил и теперь была готова к новым, изощренным пыткам.

Дима... Да если бы она только позвонила ему, он тотчас бы появился, поднял бы на ноги всю Москву и оплатил ей операцию... Но он увидел бы ее с разорванным ртом. Хотя почему разорванным? Она слышала сквозь сон или бессознательное состояние о том, что, похоже, рот ее, щеки были разрезаны ножницами.

– К вам пришли. Вы сможете сейчас говорить?

Лена открыла глаза, и ей показалось, что даже глаза болят. Сразу захотелось плакать. Кто пришел? К ней никто не может прийти. В свои двадцать два она сирота. Диму тревожить она не будет, это решено. Может, Оля? Но она же ничего не знает... А вдруг она пришла домой, вернее, не к себе домой, а в квартиру, где она вот уже неделю снимает комнату, пришла неизвестно откуда, чтобы занять свой пост и дальше наблюдать за жизнью Собакина, и, заглянув в спальню своей хозяйки, почти уже подружки, ведь они в последнее время так сблизились, обнаружила на постели кровь... Что она подумает? Конечно, испугается, вызовет милицию...

– Здравствуйте, – услышала она мужской голос и напряглась. Нет, это был не *его* голос. Не Дмитрия. – Свиридов Денис Михайлович. Я следователь прокуратуры.

Она хотела спросить, как он узнал о том, что с ней стало, но потом поняла, что теперь это уже не имеет никакого значения. Этот Свиридов, молодой парень, пришел, чтобы помочь ей во всем разобраться. Что ж, почему бы и нет. Конечно, его присутствие здесь – результат правильных действий законопослушных врачей «Скорой помощи».

– Лена, вас так, кажется, зовут?

Она кивнула головой. Подумалось вдруг, что она теряет время, что края разрезов чем-то прижгли, дезинфицировали, и они только и ждут, чтобы их как можно скорее соединили, и что сейчас, отвечая на вопросы следователя, ей желательно отвечать кивком головы, не разлепляя губ.

– Елена Репина, проживающая по адресу... – И он точно назвал ее улицу, дом и номер квартиры. – Скажите, Лена, вы что-нибудь помните?

Она отрицательно покачала головой.

– Кого вы видели рядом с собой последний раз?

Она пожала плечами. Не помнила.

– Вы знаете, сколько часов пролежали без сознания?

Нет, она не помнила.

– Вы знаете, что с вами вообще произошло?

Да, она знала.

– Вы кого-нибудь впускали в свою квартиру? Кроме ваших вещей, в доме мы нашли одежду меньшего размера, да и в маленькой комнатке на подоконнике лежал бинокль... Что вы можете сказать по этому поводу?

– Оля, – процедила она сквозь зубы. – Девушку зовут Оля.

– Она проживает с вами?

– Временно.

Да, не получается отвечать односложно.

– Она ваша подруга?

Нет.

– Родственница?

Да. Она ее родственница. Они же договорились для Бессонова. Так пусть эта версия сохранится и для прокуратуры. Зачем трепать нервы девчонке, объяснять что-то следователю прокуратуры? Собакин – это ее личная боль, и она не обязана ни перед кем отчитываться.

– Она здесь. Разыскивала вас по всем больницам, переживала, вы не против, если она сейчас войдет к вам?

Нет, она не была против. Более того, она даже рада увидеть человека из ее нормальной жизни, человека, видевшего ее с нормальным лицом. При упоминании имени Ольги она заплакала. Как если бы ее навестила мама.

Оля вошла неслышно, и, как только ее заплаканное лицо склонилось над Леной, она тоже не смогла сдержаться... Они обе разрыдались. Лене это причиняло боль, она силилась не тревожить рот, даже попыталась руками придерживать края прикрытых влажными марлевыми полосками разрезов.

– Лена, что с тобой? Господи... Там, дома, вся постель в крови... Я приехала, испугалась, позвонила в милицию, а потом принялась обзванивать больницы... Мне сказали, что ты здесь, что жива...

– Когда ты видела меня последний раз?

– Сегодня 9 июня, я видела тебя вчера утром, 8 июня, я так и сказала следователю... – Она посмотрела куда-то в сторону, должно быть, на следователя, молчаливо присутствовавшего рядом. – Мы позавтракали с тобой, и ты поехала на работу... Я тоже ушла и ночевала дома...

Она сказала и тут же поняла, что проболталась. Нарушила их договоренность.

Лена знаком попросила Свиридова подойти поближе.

– Понимаете, у Оли страхи, она боится оставаться одна дома, у нее стресс... Поэтому она пока живет у меня.

Как же тяжело дались ей эти слова. И все это из-за какого-то там Собакина... Промелькнула мысль: а вдруг то, что с ней произошло, – дело рук ревнивой жены Собакина? Что, если это она спутала их – Лену и Олю – и пришла, чтобы изуродовать лицо своей соперницы? Что, если Оля обманула ее и они с Собакиным до сих пор встречаются? Но ей этих встреч мало, и она дежурит возле окна с биноклем, чтобы видеть свою пассию как можно чаще? Знает ли он, сам Собакин, об этом? А если знает, то что думает? Какая странная история...

– Вы, Ольга, пока выйдите, – услышала она голос Свиридова. – А вы, Лена, скажите мне одно: вы кого-нибудь подозреваете?

Нет, она никого не подозревает.

– У вас есть мужчина, с которым вы встречаетесь? Поймите, то, что с вами произошло, похоже на месть соперницы – жены, любовницы, невесты, даже матери, если хотите...

Она отрицательно качнула головой. Нет, у нее нет мужчины.

– Вы подумайте хорошенько, прежде чем ответить. Я понимаю, ситуации бывают разные, и вы, быть может, просто хотите, чтобы имя вашего друга, я не знаю, возлюбленного,

оставалось в тайне... Но разве вам не жалко свое лицо? Посмотрите на себя в зеркало... Вы должны сказать нам, кого подозреваете.

Нет, она не собирается ничего говорить. Абсолютно. У Бессонова нет ни жены, ни невесты, ни любовницы... Хотя любовница была, но она вышла замуж и души не чаёт в своем муже. Кажется даже, она ждет ребенка. Нет, она не стала бы мстить Бессонову таким вот чудовищным образом. Ей важен покой, как и всем женщинам, нашедшим свое счастье. Вряд ли она мечтает загреметь в тюрьму... И про Собакина она тоже ничего не скажет, потому что он как будто вообще ни при чем...

Свиридов задавал еще какие-то вопросы, но она упорно отказывалась отвечать. Плакала и чувствовала, как горячие соленые слезы разъедают раны, пропитывают смоченные дезинфицирующим раствором марлевые повязки. Боль становилась невыносимой...

Наконец Свиридов ушел, но пообещал утром вернуться. В палату влетела Оля.

– Послушай, у меня есть деньги, около двух тысяч долларов, я копила их на «Кинотавр», мечтала поехать туда вместе с Собакиным... Но черт с ним, с «Кинотавром», тебе же срочно нужна операция, я разговаривала с врачами... Они, конечно, называют заоблачную цену, тридцать тысяч долларов, и говорят, что знают специалиста, который смог бы привести твоё лицо в порядок, но я не верю им, операция стоит много дешевле...

– Много дороже, – выдавила из себя Лена. – Операция, реабилитация, прийти в себя где-нибудь в Сочи... А потом вернуться и продать квартиру...

– Какую еще квартиру?

– Я знаю, где можно взять деньги. Ты поможешь мне? Подумай, потом скажешь мне... Одна я не смогу добраться... Но мы должны попасть туда сегодня же, после полуночи... У меня есть ключ от двери, знаю код... А потом я верну деньги. Возьму пятьдесят тысяч. Когда продам квартиру, верну, а себе куплю в спальном районе. Никто ничего не должен знать... Помогите мне...

– Я не поняла пока, где деньги, но можешь рассчитывать на меня... Ты же помогла мне... Знаешь, теперь, когда я смотрю на тебя, мне кажется смешным то, что произошло со мной... Какая же я дура, что так втюхалась в эту историю с Собакиным...

– Ты читала Гюго «Человек, который смеется»?

– Слышала, что есть такой писатель, и про роман такой слышала, но, честно признаться, не читала, а что?

– С таким лицом люди не рождаются.

* * *

С недавних пор я веду дневник. Что делать, если больше довериться никому, если все предадут, обманывают, смеются над тобой?

Но сегодня мне особенно приятно писать эти строки, потому что я вырвалась из ада и попала в рай. Самый настоящий рай, зеленый, ухоженный, чистый и прозрачный, как сам воздух, которым я дышу.

Вот уже несколько часов я нахожусь на вилле «Алиса». Это белый двухэтажный дом. Здесь словно все сделано для меня, под меня. Вначале меня удивила большая пальма, крыльцо виллы почти всегда находится из-за нее в тени. Еще гостиная, которую, как мне показалось, я видела в своих снах. Обычная, несколько не похожая на номер в отеле, где мне приходилось жить во время моих редких путешествий, с тремя оранжевыми кожаными диванами, большим камином, с густыми белыми кружевными занавесками и слегка вытертыми узорчатыми коврами на полу. Вид у гостиной, да и у всего дома – жилой, одухотворенный, словно хозяева его отправились на пляж или поехали в Ниццу за покупками. Но хозяйка-то

я... Никак не могла выбрать, в какой из четырех спален мне лучше спать – в розовой, голубой или в одной из тех, которые больше похожи на комнаты для гостей. Но я же не гостья. Поэтому выберу, наверное, розовую. Во-первых, там две кровати, а не одна, широкая, как в остальных. Не хочу чувствовать свою ущербность. У меня же теперь нет никого, с кем бы я могла провести ночь. Во-вторых, мне понравились копии ренуаровских картин в изголовье кроватей... И розовые покрывала, и розовые шторы. Пусть я буду карамельной барышней, что с того? Или же выбрать голубую? Там такая широкая кровать. А вдруг кто придет навестить меня, кто-нибудь из соседей? Хотя разве этот визит будет иметь отношение к моей спальне? Какая глупость.

Агент, встретивший меня в аэропорту, сказал, что во второй половине дня ко мне придет женищина, которая будет готовить и убирать. Это входит в стоимость моего проживания на вилле. Об этом тоже позаботился Русаков. Что ж, почему бы за мной и не поухаживать за такие-то деньги? Интересно, и чем же это меня будут кормить?

Я так долго купалась в море, хоть и слегка штормило, что пришла и, не дожидаясь этой самой женищины, уснула на одном из оранжевых диванов, что ближе к окну, прикрывшись пледом. Отлично выспалась. Правда, мне показалось сквозь сон, что звонил телефон...

Глава 4

10 июня

Все телефоны молчали – и домашний, и сотовый. Она исчезла. Ее не было на работе уже два дня. Он знал это точно, потому что, не выдержав, позвонил в офис и спросил Репину. Девушка, услышав фамилию Лены, как-то странно хмыкнула в трубку, потом сделала довольно большую паузу, после чего ответила, что она не появлялась на работе вот уже два дня. Через час он попросил свою секретаршу еще раз набрать рабочий номер Лены и спросить ее. Секретарша доложила неутешительные результаты – ей сказали, что Репина уволилась.

– Дмитрий Борисович, только я не поняла, то ли ее уволили, то ли она уволилась сама, не разобрала... Понимаете, в приемной шумно, раздаются какие-то вскрики, нервозная обстановка там...

Он почувствовал, что что-то случилось. С ней, с Леной. Это было внутреннее ощущение, тревожное, нехорошее. Щемящее. Он позвонил Константинову. Тот, услышав его голос, выматерился. Сказал, что, если Бессонов не против, он сейчас же придет к нему. Дмитрий был знаком с Константиновым, но поверхностно, как бывают знакомы соседи, время от времени решающие общие проблемы и старающиеся поддерживать приятельские отношения. Константинов был человеком легким, приятным в общении, но чтобы он ругался матом – этого Бессонов не слышал никогда.

Он услышал его быстрые шаги еще в приемной и напрягся. Дверь распахнулась. Константинов в темно-зеленом костюме и сорочке оливкового цвета буквально ворвался к нему в кабинет. Лицо его, обычно бледное и спокойное, было на этот раз красным и потным. Он плюхнулся, высокий и нескладный, в кресло, вытянув свои длинные и словно уставшие ноги в узконосых коричневых ботинках, и шумно вздохнул.

– Ты Лену мою домой подвозишь, в рестораны водишь, что-то о ней знаешь... Куда она пропала?

– А что случилось?

– Твоя подружка украла из сейфа сорок тысяч долларов, всю наличку... Сегодня ночью. У нее и ключ был от входа, и код она знала, я ей доверял...

– А почему ты решил, что это именно она?

– Вот. – Он достал из кармана мятый листок и протянул ему.

Дмитрий прочитал: *«Я попала в беду. Верну через полгода с процентами. Не вызывайте милицию. Очень прошу. И не ищите меня. Лена».*

– Слушай, старик, вы с ней что, поссорились?

– Нет... – Дмитрию стало нехорошо, затошнило. И не от того, что перед ним сидел разъяренный Константинов и задавал вопросы, которые в другой ситуации ни за что бы не посмел задавать, а потому, что Лена взяла деньги у шефа, а не у него, Бессонова, словно заранее знала, что тот простит ее, выполнит все условия и не обратится в милицию. А к нему, к Бессонову, обратиться побоялась. Или не захотела. Или не верит ему...

– Ты вроде не бедный, мог бы помочь ей... Что с ней хотя бы случилось? Мы все с ума сходим... Кто-то, правда, не верит, что это она. Хотя почерк вроде бы ее... Я бы попросил своих ребят проверить, заплатил бы за экспертизу, но все это как-то нехорошо, криминалом пахнет... У Ленки никогда не было особых проблем. Она сирота, живет одна, денег я ей достаточно платил, никогда на нее не давил... Ну, нравилась мне она, не скрою, девчонка она красивая, как увижу ее, так завожусь, но у нас с ней никогда ничего не было, она не

такая, как Алка... Какая беда? Может, с ней что серьезное, а я тут бабки считаю, переживаю, злюсь, но я же не зверь какой...

– Валера, я понятия не имею, что с ней... А ко мне она не обратилась за помощью, потому что не такая, как Алка, понял? У нас с ней все серьезно было, во всяком случае, у меня... Я жениться на ней собирался, теперь понятно, почему она ко мне не обратилась?

– Тогда и вовсе ничего не понимаю. Если вы были в таких отношениях, то почему же она не могла тебе сказать, что попала в беду?

– Она могла написать эту записку под давлением. – Это было первое, что пришло в голову. Он обманывал этим не столько Константинова, сколько себя. Потому что чувствовал – с ней что-то произошло... И очень жалел, что не поехал вчера к ней домой, не открыл дверь своими ключами, которые у него были, она сама ему как-то дала, сказав «на всякий случай». Деньги пропали этой ночью, значит, если с ней что и случилось, то вчера. И она ему не позвонила. Почему?

– Ты замнешь это дело, если я тебе сегодня же вечером дам сорок тысяч?

– Без проблем.

– Вот и договорились. Оставь только эту записку мне.

Константинов, успокоившись, ушел. В кабинете стало так тихо, что у Дмитрия заложило уши. Заглянула секретарша, тихая худенькая девушка с большими глазами. Она одним взглядом спросила его, не надо ли ему чего. Он показал рукой, чтобы его оставили в покое. Затем вскочил и, словно очнувшись, выбежал в приемную.

– Пригласи Кабалинова, отдашь ему вот эту записку... – Дмитрий написал ему о сорока тысячах, которые следует сегодня же снять со счета и отдать Константинову, приписал, чтобы тот держал это в тайне от остальных сотрудников. – Скажи ему, что меня сегодня не будет. Если что важное – знаешь, как меня найти.

Он помчался на Чистопрудный бульвар, где жила Лена. Поднялся к ней и позвонил. Звонил долго, не представляя себе, куда она могла деться и что же с ней случилось. Обида отравила ему все то светлое, переполненное любовью к Лене, чем он жил последнее время. Как могло такое случиться, что она не обратилась к нему за помощью? Сколько раз еще он будет задавать себе этот вопрос?! Сорок тысяч долларов. На что понадобились ей эти деньги? Может, она серьезно заболела и не захотела, чтобы он узнал об этом? Но разве не естественно просить друг у друга помощи, когда любишь? Разве любовь подразумевает лишь внешнюю красоту, высокие слова и интимную близость? Но болезнь чаще всего отвратительна в своем физическом проявлении, и только этим можно было объяснить такой вот странный поступок Лены, как обращение за помощью к Константинову. Однако почему бы ей тогда не обратиться к нему хотя бы по телефону: мол, привези эти деньги для меня, мне плохо, я заболела, я тебе все верну. Почему она выкрала эти деньги? Нет, дело не в болезни, ее кто-то заставил украсть эти деньги. Тот, кто знал, что у нее есть ключ от входной двери и она имеет доступ к сейфу.

Он достал ключи и открыл двери. Вошел в квартиру. Уже в передней понял, что здесь побывали чужие люди. Обычно сверкающий пол в передней затоптан. Когда же он вошел в спальню, непроизвольно застонал. Постель была в крови. Подушки просто залиты кровью, но теперь эта кровь подсохла, и подушки казались бурыми... И часть одеяла, и простыни. Лены здесь не было после того, как тут что-то произошло. Иначе бы она все убрала. Постирала. Она любит во всем порядок.

Послышался шорох – он повернул голову и увидел стоящего в дверях невысокого, плотного молодого мужчину. У него было спокойное лицо, как у человека, который ничего не боится.

– Моя фамилия Свиридов, следователь прокуратуры, – представился он. – А вот кто вы, интересно? Кажется, у вас были ключи от этой квартиры?

– Я – Бессонов, Дмитрий Бессонов, жених девушки, живущей в этой квартире.

Он не мог сказать, что Лена взяла из сейфа Константинова деньги. Он вообще должен помалкивать и только слушать, слушать...

– Она жива? – спросил он и с трудом глотнул. Сердце его колотилось, как если бы этот розовощекий и здоровый парень из прокуратуры обыденным тоном сообщил ему о смерти Лены.

– Да, жива. Когда вы видели ее в последний раз?

– Сейчас скажу... два дня тому назад, 7 июня. Я улетал в командировку в Ригу, вернулся на следующий день, 8 июня, вечером.

– Когда именно вы вернулись?

– Говорю же – 8 июня, вечером!

– Время.

– У меня есть билет, можно проверить, но дома я был около девяти вечера. Я очень устал, поэтому не стал тревожить ее...

– Даже не позвонили?

– Позвонил. Но трубку никто не взял, и я решил ее не будить...

– А потом, на следующий день, звонили?

– Да, вчера звонил, но ее телефоны молчали. Я начал беспокоиться.

– И?..

– И вот я здесь. Пришел, открыл своими ключами...

– А на работу звонили?

Он понял, что не готов к разговору о работе. Он ни с кем ни о чем не договорился. Значит, надо сочинять на ходу. Если бы не было этих сорока тысяч, этого криминала, этого Константинова с выпученными глазами и потным лицом...

– Звонил, мне сказали, что ее нет. Да если бы она была, мы бы обязательно встретились, мы же работаем рядом, наши фирмы соседствуют друг с другом...

– Дмитрий...

– Дмитрий Борисович.

– Так вот, Дмитрий Борисович, пожалуйста, напишите мне сейчас все то, о чем рассказали. Даты, точное время.

– О чем?

– Когда видели вашу невесту последний раз, о чем говорили с ней, когда расстались, при каких обстоятельствах...

– Я-то напишу, но, может, и вы мне скажете, что произошло? – Он не хотел, но повысил голос. – Вот если бы у вас такое случилось, вы приходите, а в спальне все в крови...

– У меня такого никогда бы не случилось. Надо уметь спокойно разбираться со своими женщинами и расставаться тоже спокойно, без криминала...

– О чем это вы? О каком криминале идет речь? Вся постель Лены в крови, вы скажете мне наконец, что произошло? – заорал он на следователя. – Что вы мне тут мораль читаете! Я ни с кем не расставался, мы с ней прекрасно ладили, я просто улетел в командировку... У меня работа такая!

– А вы, молодой человек, не кричите на меня. Вы действительно не знаете, что произошло с гражданкой Репиной?

– Да нет же, черт вас подери!

– Ей рот разрезали – от уха до уха. Ножницами. Вот прямо на этой постели.

– Как это... от уха до уха...

– Говорю же – *ножницами*!

- Но она же не могла вот так спокойно сидеть, пока ее рот режут ножницами...
- Мы взяли ее кровь на анализ, посмотрим, что ей вкололи... Поэтому-то я и говорю, что надо хорошенько следить за своими женщинами. Кто мог такое с ней сотворить? Кто из ваших бывших женщин?
- Никто.
- С кем вы встречались до Репиной?
- Была у меня одна девушка, но она вышла замуж и сейчас ждет ребенка, у нее все хорошо, да и мы не враждуем...
- Фамилию, имя, отчество, пожалуйста. Будем проверять...
- А почему вы решили, что ее... ножницами? – Эта картина не выходила у Дмитрия из головы. Он все еще не верил в услышанное.
- Ножницы здесь нашли, все в крови. И больше – ничего. Сняли отпечатки пальцев, ножницы взяли на экспертизу. Звери, а не бабы, честное слово...
- Но почему вы так уверены, что это сделала женщина?
- Да ни в чем я не уверен, молодой человек, интуиция подсказывает... А вы полагаете, что это мог сделать мужчина? Что ж, такое тоже возможно. Вы же слышали о том, что сотворил с какой-то там «мисс» ее воздыхатель, бандит? Плеснул ей в лицо соляной кислотой, она аж, бедняжка, вся почернела... Вот тебе и красота...
- Кошмарная история, – начал припоминать телевизионную передачу Дмитрий. – Подождите, так вы видели Лену? Она, надеюсь, в больнице? Вы же скажете мне, где она?
- Скажу, но только после того, как сам ее найду. Дело в том, что еще вчера она была там, а уже ночью ее и след простыл. Такие дела.
- Она сбежала?
- Или сама сбежала, или ей помогли. Или же, что самое неприятное, ее похитили. Никто из медперсонала ничего не видел и не слышал. Все спали, как водится. Я, собственно, пришел сюда, чтобы повидаться с ее квартиранткой...
- С Олей?

* * *

Сегодня утром я получила письмо от Р. Она сказала, что наняла адвоката, чтобы он провел свое, адвокатское расследование моего дела. Я понимаю ее, она добрая женщина, у нее куча времени и денег, а поэтому она может позволить себе заняться частным расследованием. Ведь адвокат – это лишь помощник, всем, я думаю, будет заниматься она сама. Что ж, я не против. Только какой в этом прок? После того, как в моей квартире побывал маньяк с ножницами во второй раз, в Москве не зарегистрировано больше ни одного подобного преступления. Маньяку либо надоело заниматься пластической хирургией и он переключился на убийства (а почему бы и нет), или же он, смыв грехи в хлорированной воде у себя в ванне, решил начать новую жизнь... В любом случае его так и не вычислили, и это несмотря на все усилия Свиридова. Вот ведь тоже кадр. Смешной до ужаса. Но как старался! Весь отпуск угробил на прорабатывание деталей, опросил всех, кто окружал главных персонажей этой драмы, покопался в их прошлом, чуть ли не в детстве, все грязь искал... У кого сейчас чистое прошлое? Разные там романчики, старые обиды, счеты, долги... Даже к Русакову приставил своего человека, чтобы тот записался к нему на операцию и таким образом выяснил, действительно ли придется ждать своей очереди целый год. До сих пор, наверное, ждет... Непонятно, почему Русаков согласился оперировать всех нас. Вероятно, в жутком состоянии мы были, внеочередники... От нас за версту пахивало криминалом, а потому вокруг нашей истории вились, как мухи, журналисты, они-то и

сделали Русакова самым модным хирургом в Москве. Реклама! Но он и без того был первым, лучшим...

Сегодня он приходил ко мне на ужин. Пел песню о вечной любви. Ну не смешно ли? Особенно если вспомнить, при каких обстоятельствах мы с ним встретились. Он что же, не понимает, что когда я вижу его, то сразу вспоминаю клинику, и весь тот ужас наваливается на меня, и мне становится трудно дышать... Что за методы такие? Что ему нужно от меня? Небесной любви? Кровать, кровать и еще раз кровать. Он на отдыхе, не женат, приехал один, сытно ест, много гуляет, словом... Почему бы не завалиться в постель к своей пациентке и не завершить таким вот классическим способом процесс ее реабилитации? Он что же, думает, что я осталась должна ему? Он же получил из моих собственных рук целую кучу денег...

Но это мне хочется, так сказать, обмануть себя, что он поужинал со мной и ушел. Нет. Это же дневник, он все стерпит. Конечно, после ужина (а мы так много съели и выпили!) я плакала, сидя у него на коленях, а он целовал меня и успокаивал, как мог. Я задавала ему один и тот же вопрос: почему я, пострадавшая в такой истории, должна была потерять самое дорогое? Почему? Он целовал меня и говорил, что самое дорогое, то есть его, я приобрела, что он любит меня, полюбил с первого взгляда. Но как можно полюбить женщину с ртом, разрезанным до ушей? Конечно, он хирург, у него свои, вероятно, представления о красоте женщины. Я спросила его, любит ли он мужчин, и он оскорбился, сказал, что нельзя пользоваться его добротой и так обижать его, зная, что он все равно не переменит своего ко мне отношения. А потом, перед тем как уйти, он попытался раздеть меня, уже сонную, после выпитого вина и плохо соображающую, и сказал мне, что, если я только захочу, он купит мне эту виллу. Но при условии, конечно... И мне почему-то стало его жаль. Я вдруг подумала: а что, если он действительно любит меня? Но разве можно верить мужчинам?

Кажется, он все-таки ушел, не воспользовался моим состоянием... Во всяком случае, я проснулась в розовой спальне... Мне не стоило так напиваться. Я ничего не помню. А что, если Русаков гипнотизер?.. Ну не смешно ли?

Глава 5

В то, что Оля – ее дальняя родственница, он почему-то сразу не поверил. Лена не умела лгать, а потому ее выдал тон, которым она рассказала о том, что у нее временно поживет дальняя родственница. Он подумал тогда, что существует, видимо, объективная причина, по которой Лена не может рассказать ему всю правду. И причина эта, скорее всего, никак не связана с самой Леной. Она не имела права выдать ему чужую тайну, что ж, за это ее можно только уважать. Хотя, с другой стороны, присутствие в доме постороннего человека доставляло определенные неудобства им обоим. Если раньше Дмитрий мог спокойно остаться у Лены на ночь, то теперь мало того, что они должны были каждый раз в любую погоду и при любой ситуации ехать к нему домой, так еще и таиться от этой самой родственницы. Но какие бы тайны ни хранила в себе Лена, присутствие Оли было связано с мужчиной. Наверно, Оля просто-напросто сбежала от мужа и теперь скрывалась у подруги, у Лены. А если не от мужа, то от любовника. Вот только все равно было обидно, что Лена не рассказала ему всю правду. А вдруг именно эта причина, по которой Оля скрывалась у Лены в квартире, и послужила поводом...

Но даже сейчас, сидя за письменным столом в Лениной комнате и пытаясь написать все то, о чем просил его следователь, он не мог до конца поверить в случившееся. Зато многое встало на свои места. И он наконец-то понял, почему Лена не посмела обратиться к нему за помощью. Она не захотела, даже находясь в шоковом состоянии, предстать перед ним с обезображенным лицом. Это же надо так идеализировать его, их отношения, чтобы ни на секунду не забывать о том, что любовь не может быть безобразна. Маленькая девочка, бедняжка, она не понимала, что то, что она обратилась за помощью к Константинову, – большее безобразие и предательство. Но он понимал ее и прощал безоглядно. Он хотел только одного – чтобы она нашлась как можно скорее, чтобы объявилась...

– Вы же следователь, вы не можете хотя бы предположить, куда она исчезла?

– Могу. И мы уже работаем в этом направлении. Думаю, что и вы все понимаете...

– Нет. Не понимаю...

Они не могли знать об украденных ею деньгах. И тут он все понял. Разозлился на себя за то, что не сразу сообразил. Деньги! Деньги ей нужны на операцию. И пока лицо ее не примет прежние черты, пока не заживут все раны и швы, он ее не увидит...

– Деньги ей нужны на пластическую операцию, у нее сильно травмирован рот... Вы себе представить не можете, как ужасно она выглядит. Операцию надо делать немедленно, но у нее, конечно, не было столько денег. Мы предполагали, что деньги она попросит у вас...

– У меня?

– Ну, у мужчины, понимаете? Но она сказала, что у нее нет никакого мужчины. Она до последней минуты отрицала наличие у нее любовника, оберегая вас, черт подери... Может, догадывалась, кто мог с ней так поступить...

– Это исключено. Разве что речь идет о какой-нибудь сумасшедшей, о которой и мне-то ничего не известно. Поверьте, у меня нет знакомой женщины, которая была бы способна на такой поступок.

– Мне не очень-то удобно вас об этом просить, Дмитрий Борисович, но вы должны будете мне составить список ваших... любовниц... Ничего не поделаешь. Просто так рты не режут, – добавил он с многозначительным видом.

– А если я скажу вам, что у меня, кроме Лены, была только одна женщина?

– Это ваше право. Вы даже можете вообще ничего мне не сообщать, если вам безразлична судьба Репиной.

– Хорошо, я напишу вам несколько имен... Но при условии, что Лена...

– Она ничего не узнает. У меня у самого, думаете, была только жена?

Нет, все-таки этот следователь был глуповат. И следствие вел примитивно. Ни одного каверзного вопроса, все рассказал и про Лену, и про то, как ее покалечили, и что экспертизу собираются делать, как будто и так непонятно...

– А где сейчас Оля, вам тоже неизвестно? – спросил Бессонов.

– Понятия не имею. Но, думаю, она если не полная дура, то объявится. Иначе попадет под подозрение.

– А разве еще не попала?

– А вы не острите, молодой человек. Предлагаю вам составить список, после чего покинуть квартиру.

– Но я не могу уйти отсюда, – возмутился он. – А вдруг Лена появится здесь? Она же не преступница, а жертва, не забывают!

– Я не понимаю, кто тут следователь – вы или я?

– Я – ее жених и намерен оставаться здесь и ждать ее появления.

– Ну и ждите, мне работы меньше, – отмахнулся от него Свиридов. – Заодно и Ольгу дожидитесь, может, она что знает. А я жду от вас списочек... У вас зажигалки не найдется?

– Я не курю.

Свиридов направился на кухню в поисках спичек или зажигалки, Дмитрий же продолжал оставаться в спальне, в кресле, он не мог оторвать взгляда от окровавленной постели.

– Я могу убрать грязное белье и сменить его на чистое? Сил нет смотреть на все это!.. – крикнул он, обращаясь к Свиридову.

Тот, видимо, польщенный тем, что его о чем-то просят, снисходительно кивнул головой:

– Валяйте, тем более что эксперты здесь уже поработали. Да, кстати, вы не видели тут книгу «Человек, который смеется»? Надеюсь, это не вы ее подарили своей невесте...

От услышанного у Дмитрия волосы зашевелились на голове.

– Там знаете как написано? И, кстати, обведено красным фломастером: *«Против скуки существует только одно лекарство»*. – *«Какое?»* – *«Гуинплен»*. И еще один отрывок, но о нем позже...

Следователь ушел, Дмитрий дождался, наблюдая из окна, когда он сядет в свою машину и уедет. Только после этого он перевел дух, снял с подушек наволочки, с одеяла – пододеяльник, сорвал с постели простыню и сунул все в корзину для грязного белья. Потом вынес сырые подушки и одеяло на балкон, под палящее солнце – сушиться. Затем застелил все чистое, вымыл полы, заварил чай и сел на кухне размышлять.

Пусть Лена украла деньги, чтобы заплатить за операцию, пусть. Но операция длится не вечность. Скорее всего, ее уже сделали, и Лена теперь лежит в одной из частных клиник и приходит в себя после наркоза. Конечно, Оля знает, где она. Знает о ее местонахождении и дежурный хирург, тот самый, который дежурил в клинике в тот день, когда туда привезли Лену, он-то и подсказал, где ей смогут сделать качественную операцию, назвал имя хорошего пластического хирурга и даже позвонил ему, чтобы организовать встречу, посредник, но он будет молчать, потому что ему заплатили... А Свиридов либо не понимает этого, либо не хочет понимать... Да и какое ему дело до Лены?

Лена... Отдает ли она себе отчет в том, что с ней произошло? Подозревает ли кого? А что, если у нее был любовник, который, вернувшись, скажем, откуда-то издалека, из тюрьмы или из какой-нибудь дальней командировки, и узнав, что Лена его бросила, не стал терпеть измены и решил наказать свою любовницу? Что он, Дмитрий Бессонов, знает о Лене, помимо того, что она работает (точнее, работала) менеджером в фирме Константинова, что Константинов прежде ухаживал за ней и собирался сделать ее своей любовницей, что она чудесная неиспорченная девушка, влюбленная в него, Дмитрия, до потери памяти и гото-

вая ради него, точнее, ради их отношений, сделать все возможное, чтобы он не увидел ее в изуродованном виде... О каких настоящих чувствах может идти речь, когда в трудную минуту она предпочла обратиться за помощью к Константинову, а не к нему, своему возлюбленному... И сколько раз он будет еще задавать себе этот вопрос?! Она поступила так, потому что не была уверена в его чувствах, боялась, что если он увидит ее с обезображенным лицом, то отвернется, будет испытывать к ней отвращение, потом жалость и в конце концов бросит ее... Значит, она не верила ни единому его слову! А ведь он был искренен с ней и, признаваясь в любви, видел в ней женщину, которая впоследствии станет его женой и родит ему детей. Сколько раз он представлял себе ее беременной, тихой и нежной, сидящей подле него в ожидании ласкового слова... Но это были самые сокровенные его мечты... Это внешне он, быть может, походил на тривиального босса-сердцеда, разъезжающего на роскошном авто и проводящего свободное время с девушками – бабочками-однодневками. Да, возможно, он действительно производил такое впечатление. И Лена поэтому страдала при мысли, что не сегодня-завтра ее бросят, как бросают девушек независимо от их душевных или иных качеств. Она пила их роман маленькими глотками, изнемогая от счастья и в то же время ожидая разрыва... А разорвала его сама, своими нежными руками, предала, написав записку Константинову. Но ведь и не написать ему не могла, поскольку очень надеялась, что до милиции дело не дойдет... Словом, действовала по-женски. И теперь страдала от одиночества, стараясь даже не думать, сколько может пройти времени, прежде чем она снова посмеет появиться перед своим возлюбленным в том виде, в каком он ее знал до этого чудовищного преступления. Это не месяц и не два. И разве может она знать, будет ли он ждать ее возвращения?

При мысли о том, как она сейчас мучается, Дмитрий впал в уныние. Он ходил по квартире, вспоминая Лену и все, что было с ней связано, и словно слышал ее голос, девичий голос, щебечущий что-то милое и приятное, что так завораживало его и от чего он чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Она была так нежна с ним, так откровенно счастлива, что несла это свое счастье, как хрупкий стеклянный сосуд, боясь его разбить. И разбила своим недоверием, желанием оградить его от настоящей жизни, решив оставить в памяти лишь внешнюю сторону их романа, лишь декорацию... Как же она могла?

Он замер. Ему послышался характерный звук отпираемых дверей. Точно. Кто-то пришел. Лена?

Он сделал несколько шагов к двери, чтобы посмотреть, кто же это пришел. И увидел Ольгу. Чтобы ее не испугать, сказал довольно громко и четко:

– Оля, это Дмитрий Бессонов, не бойся, у меня были ключи, и я вошел.

Но она все равно вскрикнула, как человек, который влез в чужой дом. Во всяком случае, у нее было именно такое выражение лица.

– Дмитрий, как же вы меня напугали... – Она смотрела на него огромными светлыми глазами и качала головой. – У меня и так все поджилки трясутся.

– Где Лена? Больше мне от вас ничего не нужно. Я знаю, что вы знаете, где она. Знаю, что у нее есть деньги на операцию и что операцию ей, скорее всего, уже сделали. Где она находится? Я должен быть рядом с ней. Она не ведает, что творит. Я не могу без нее... Без меня, без моей поддержки она пропадет.

– Дмитрий, я не знаю, где она, – сказала Ольга, несколько успокоившись. – Да, все, что с ней случилось, кошмар, она находится в ужасном состоянии, но она не хочет никого видеть. Я помогала ей до последней минуты, я посадила ее на такси, она поехала к хирургу, но адреса мне так и не сказала... Вы же понимаете, что мне нет резона скрывать что-то от вас. Это ее желание. Она не хотела, чтобы вы видели ее такой.

– Да это все понятно. Ответьте мне, она кого-нибудь подозревает?

– Говорит, что понятия не имеет, кто мог такое с ней сделать...

– Вы думаете, что это женщина?

– Почему? Можно предположить и мужчину, и женщину. Я мало что знаю о ней... Вы разрешите закурить?

Он посторонился, пропуская ее в кухню. Оля, маленькая стройная молодая женщина, с повадками кошки, гибкая, грациозная, переполненная тайнами. Дмитрий не поверил ни единому ее слову. Она все знает, знает, но никогда не выдаст Лену.

– Оля, вы должны понять, что я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать ваши сказки о том, будто вы не знаете, где сейчас находится Лена. Она, я надеюсь, еще в своем уме, и ей просто необходима чья-то помощь. Вы просто идеально подходите для этой роли. Она же помогла вам, приютив у себя, теперь ваша очередь опекать ее. Для начала вы расскажете мне, кто вы и что вы делали всю эту неделю в Лениной квартире, а потом мы потолкуем с вами о Лене...

– Вы мне не грозите, Дмитрий, я вас не боюсь, я вообще никого не боюсь, – вдруг неожиданно жестко и громко произнесла она, чеканя каждое слово. – Но для того, чтобы между нами не было недоговоренности, тем более что я могу попасть под подозрение, поскольку мое появление здесь совпало с трагедией, произошедшей в этом доме с хозяйкой, то пойдемте, я вам кое-что покажу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.